

Александринскій театръ.

Въ понедѣльникъ, 15-го февраля, въ 19-й разъ: „Обыватели“, ком. В. А. Рышкова.

Во вторникъ, 16-го февраля, въ 6-й разъ: „Передъ зарею“, картины старыхъ дней, П. П. Гнѣдича.

Въ среду, 17-го февраля, въ 20-й разъ по возобновленіи: „На всякаго мудреца довольно простоты“, ком. А. Н. Островскаго.

Въ четвергъ, 18-го февраля, въ 13-й разъ: „Свѣтлая личность“, ком. Е. П. Карпова.

Въ пятницу, 19-го февраля, въ 7-й разъ по возобновленіи: „Волки и овцы“, ком. А. Н. Островскаго.

Въ субботу, 20-го февраля, въ 7-й разъ: „Передъ зарею“, картины старыхъ дней, П. П. Гнѣдича.

Въ воскресенье, 21-го февраля, утромъ: въ 17-й разъ по возобновленіи: „Недоросль“, ком. Д. М. Фонвизина.

Вечеромъ: въ 35-й разъ: „Вишневый садъ“, ком. Ан. П. Чехова.

Къ кохчихъ В. ф. Коммиссаржевской.

Незабвенная...

...Закатилась ясная, печальная звѣзда...

Звенящая душа властительницы нашихъ думъ и настроеній замолкла навсегда...

Не стало Вѣры Федоровны...

Сломаны крылья прекраснѣйшей „Чайки“...

На-дняхъ еще наши встревоженные души успокоились послѣ коротенькой телеграммы, принесшей намъ радостную вѣсть: болѣзнь протекаетъ нормально... есть надежда на благополучный исходъ...

Но судьба уже готовила нелѣпный ударъ...

По тонкой телеграфной проволоцѣ изъ далекаго, чуждаго Ташкента уже ползли черныя, жуткія слова:

„Положеніе В. Ф. безнадежное“...

„Смерть“...

Это такъ ужасно... и такъ ужасно просто.

„Смерть“... и все...

— Что наша жизнь?..

Горечь и ужасъ, безощадный ужасъ, затмеваетъ способность соображенія.

Незабвенная Вѣра Федоровна, вся сотканная изъ золотыхъ нитей, свѣтлая, лучезарная,—казалось, у нея впередіи еще длинная, звенящая дорога. Казалось, что ея тонкое, золотое дарованіе—это тихое и ясное зеркало ея души—еще много лѣтъ будетъ намъ дарить прекраснѣйшіе, прозрачные образы и среди тяжкаго труда и лишеній нашей жизни заставить насъ еще не разъ погружаться въ золотые сны, въ хрустальную грезу...

И вдругъ... смерть!..

Перестало биться для насъ сердце наивное и красивое... Замолкъ навсегда чарующій, нѣжный голосъ, говорившій намъ всегда съ неизъяснимою ласкою о чемъ то высоко-трогательномъ...

И для насъ, задуманныхъ прозою жизни, теперь сразу поблекли нѣжные образы грезы.

...Есть женщины бѣлыя и ясныя, какъ нѣжный голубь... съ золотой и звенящей душой.

Онѣ вносятъ въ нашу жизнь какую то золотистость. Онѣ заставляютъ насъ забывать про темную жуть жизни...

Такою бѣлою, какъ жрица древняго храма, женщиною была Коммиссаржевская.

Когда жизнь наша становилась тяжелой и грустной, мы шли въ тотъ театръ, гдѣ царила чуткая и нѣжная душа Вѣры Федоровны.

Когда намъ становилось тѣсно и больно, мы прислушивались къ ея призывамъ красоты и ласковыя чувства и отъ нихъ, казалось, хорошеѣла наша унылая жизнь.

Мы видѣли одухотворенное, тонкое лицо съ прекраснѣйшими, скорбными глазами, прислушивались къ этой хватающей за душу дрожи въ голосѣ В. Ф., видѣли алмазныя слезы прекраснѣйшей женщины.

И наше сердце пламенѣло.

Чья то скорбная, нѣжная рука зажигала въ нашей душѣ факелъ яркихъ иллюзій и мы уносились въ прекрасный міръ свѣтлыхъ вѣрованій и надеждъ.

Всю свою недолгую жизнь эта нѣжно-бѣлая женщина съ безконечно-изящной душой шла путемъ юности и со знаменемъ истиннаго искусства.

Она стремилась къ высшимъ задачамъ искусства, къ яснымъ вершинамъ...

Вѣра Федоровна, эта дивная женщина, соединяла въ себѣ яркое дарованіе и индивидуальную красоту личности.

Коммиссаржевская—это одно изъ самыхъ яркихъ и прекрасныхъ явленій на уныломъ фонѣ россійскихъ сѣрыхъ будней, среди которыхъ гуляютъ такъ много жалкихъ отраженій кривого зеркала.

Она—это грустное „дитя солнца“, эта прекрасная чайка, лишенная счастья въ личной жизни, щедро рукою дарила намъ сокровища своей богатой души, дарила намъ сладостныя грезы и сновидѣнія, облеченныя въ прелестныя, чарующія формы.

Вспоминая въ этотъ скорбный часъ святой обликъ В. Ф., нашу угасшую гордость, нашу ушедшую свѣтлую радость, хочется молитвенно произнести: вѣчная память тебѣ, лучезарная, незабвенная...

Андрей Ростовцевъ.

В. Ф. Коммиссаржевская.

(Ум. 10 февраля 1910 г.).

Аккордъ еще рыдаетъ...

И вотъ ея не стало... Та, которую мы все такъ любили—умерла; и—смущенные—стоимъ мы у свѣжей еще могилы—передъ великой тайной смерти...

„Есть только двѣ формы жизни,—говорилъ Максимъ Горькій,—гнѣние и горькіе“, и когда человѣкъ избираетъ вторую форму, жизнь его, какъ туго натянутая струна, обрывается слишкомъ рано...

Жизнь Коммиссаржевской — непрерывный рядъ исканій новыхъ, еще не сознанныхъ, формъ прекраснаго, непрерывный рядъ скитаній трепетно-чуткой мысли въ какомъ то сказочномъ мірѣ неясныхъ грезъ и волшебныхъ очертаній...

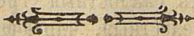
Но искать значитъ—ошибаться, и въ искусствѣ ошибка, подчасъ, нужнѣе и почетнѣе аксіомы. Рутинна — вотъ противъ чего всю жизнь боролась артистка, и орудіемъ этой борьбы она выбрала талантъ, свой талантъ, въ которомъ было столько силы, столько обаяніе и — почему не признаться? — столько безсилія и нѣжной хрупкости.

Попытка создать новый театръ не удалась Коммиссаржевской: эта попытка была слишкомъ революціонна; это былъ скачекъ, а не развитіе; порывъ, а не процессъ. Но несомнѣнной заслугой Коммиссаржевской остается то, что въ старомъ храмѣ она угадала незримое присутствіе новаго божества, передъ которымъ—почему знать?—грядущія поколѣнія съ благоговѣніемъ воскурятъ фиміамъ. Это слѣдуетъ помнить тѣмъ, которымъ многое въ творествѣ артистки казалось парадоксомъ.

Отнимите у земли ея полюсы—она все же останется землею; отнимите у человѣчества его крайности—оно превратится въ стадо.

Въ жизни Коммиссаржевской было много тяжелыхъ страницъ, поэтому, быть можетъ, она съ такою простотою — однимъ звукомъ своего дивнаго голоса, однимъ мерцаніемъ задумчивыхъ глазъ — умѣла воплощать страданіе на сценѣ; и часто у насъ, зрителей, при созерцаніи ея игры рождались глубокіе, безбрежные вздохи, и часто намъ казалось, что ея жизнь, полная тревогъ и непонятной муки, — не сонъ, а мучительная бессонница, отъ которой она избавится, умирая...

Борисъ Бразоль.

Печать о смерти В. Ф. Коммиссаржевской.

Ужасная по своей неожиданности, трагическая по обстановкѣ и невознаградимая по цѣнности утраты — смерть Вѣры Федоровны Коммиссаржевской потрясла весь театралъный и литературный міръ. Сегодняшнія газеты полны статей о ней; въ нихъ — глубокая скорбь, порою растерянность. Первый биографъ артистки, Юр. Бѣляевъ, говоритъ въ „Н. В.“:

„Когда я думаю о своемъ призваніи, я не боюсь жизни...“

Эти слова изъ чеховской „Чайки“ написала Коммиссаржевская для моей первой книжки — книжки о ней... Это было „до Станиславскаго“, до „настроеній“, до Чехова, въ дни благонамѣреннаго, казеннаго репертуара, когда изъ провинціи пришла худенькая, тщедушная актриса, дочь извѣстнаго пѣвца, пришла „принцессою кочующей и бѣдной“, безъ друзей, безъ рекламъ, „безприданницей“ для жениховъ дорогаго партера и миллионершей для насъ, скромныхъ абонентовъ Александринки. Принцесса! У нея въ душѣ былъ большой ларецъ съ драгоценнымъ талантомъ. И она открыла намъ этотъ ларецъ...

— Это — бриллиантъ, это — нѣжный, душистый персикъ! — говорила про Коммиссаржевскую Савина. — Ея нужно показывать и спрятать въ тепло, въ вату...

Савина была права. Буря погубила Коммиссаржевскую, нашу милую, незабвенную Чайку!. Коммиссаржевская — драма русской драмы. Она въ жизни своей, въ сценической жизни, показала, какъ труденъ, какъ опасенъ подвигъ русской актрисы... Бѣдная, прекрасная русская актриса! Ею будетъ гордиться нашъ театръ, не богатый талантами. Его судьба — судьба Коммиссаржевской. Онъ — тоже кочующій, ищущій, описанный болѣе судебными приставами, чѣмъ историками, случайный, невѣдомо, откуда пришедшій, невѣдомо, гдѣ кончающійся. Женскіе образы, созданные Коммиссаржевской, цѣлая вереница, цѣлый хороводъ нѣжныхъ образовъ, склоняется надъ ея гробомъ и благодарно роняетъ слезы на холодное тѣло актрисы...

В. Ф. Коммиссаржевская — натура обширная — была всегда самой собою, въ жизни и на сценѣ. Это отмѣчается въ „Рѣчи“ Влад. Азовъ:

Отправляясь на спектакль съ участіемъ Вѣры Федоровны, я никогда не интересовался вопросомъ, какую именно роль она сегодня играетъ. Она играетъ и, стало быть, я увижу ея нервное лицо, ея большіе печальные глаза — зеркало большой и сложной души, услышу ея единственный, можетъ быть, въ мірѣ голосъ — эхо души глубокой и страстной. Не все ли равно, въ какомъ она будетъ парикъ, въ какомъ костюмѣ и даже въ какой, подаваемой изъ суфлерской будки, психологіи? Я видѣлъ Вѣру Федоровну въ „Безприданницѣ“ 11 разъ — и завтра охотно пойду смотрѣть ее въ этой же роли въ 12-й разъ. Въ послѣднемъ актѣ она будетъ пѣть цыганскій романсъ. Я зажму глаза и унесусь воображеніемъ куда-то далеко-далеко отъ Островскаго, отъ Волги, отъ цыганскаго романса. Въ какую-то волшебную страну, гдѣ нѣтъ ни словъ, ни драматическихъ положеній, ни содержанія. Гдѣ говорить о чѣмъ-то невѣдомо, недоступномъ, неперевоимомъ на языкъ рѣчи грустные глаза, гдѣ жестъ, поза и тембръ голоса заключаютъ въ себѣ такъ много смысла, весь смыслъ вещей. Потомъ я услышу прощальный крикъ Ларисы. Какой Ларисы? Коммиссаржевской, женщины, челоѣка. И я услышу въ этомъ крикѣ всю боль женской души, преданной заклѣтью любви. О, жестокой любви! Молоха, изображаемаго почему-то крылатымъ ребенкомъ... Я не пойду завтра на „Безприданницу“. Завтра я пойду на панихиду...

Вѣра Федоровна близка намъ, какъ другъ, какъ челоѣкъ, живущій съ нами одной жизнью, здѣсь, среди насъ. А. Измайловъ пишетъ въ „Б. В.“:

Но и въ Норахъ, и въ Чайкахъ, и въ исторически далекихъ отъ нашего вѣка, но психологически намъ близкихъ Офеліяхъ, — она была необыкновенно близка нашему сумеречному, нашему нездоровому вѣку, какъ плоть отъ плоти и кость отъ кости. Мы видѣли, что Савины, Федотовы, Ермоловы больше ея. Такъ Толстые и Тургеневы, Айвазовскіе и Рѣпины ясно казались намъ великанами; но наши сердца прилѣплялись къ прекрасной печали Чехова, къ грустному, задушевному, ласковому пейзажу Левитана. Есть трудно формулируемый, но несомнѣнный параллелизмъ между Коммиссаржевской и этими мастерами пера и кисти.

Савины, Ермоловы, Оедотовы—были больше, но Комиссаржевская была ближе. Тѣ были властителями думъ своихъ поколѣній. Комиссаржевская властительствовала надъ своимъ. Она зажигала румянцемъ щеки курсистокъ и бросала искры въ сердца студентовъ, которые потомъ вспыхивали огнемъ восторженныхъ рѣчей въ прокопченныхъ табачнымъ дымомъ студенческихъ мансардахъ.

Голосъ В. Ф. былъ единственный, глаза, полные очарованія, держали въ плѣну всѣхъ, кто когда-либо видѣлъ ее.

Въ ея дивномъ, единственномъ на русской сценѣ голосѣ, въ ея глазахъ, такихъ страдальческихъ, такихъ трагическихъ,—въ этихъ глазахъ „испуганной орлицы“ чуялись такая сила и глубина переживаній, что порою страшно становилось за нее.

Тяжкій даръ пророчества,—говоритъ А. Колосовъ въ „Б. В.“,—трагедію искусства переживала она, какъ личную трагедію.

Искательство В. Ф. новыхъ путей въ искусствѣ отмѣчаетъ Вл. Боцяновскій въ „Нов. Руси“:

Но какъ бы тамъ ни было, каковы бы ни были результаты исканій Комиссаржевской въ этомъ направленіи, но были исканія. Они показывали, что крылья чайки Комиссаржевской не сохнутъ, огонь горитъ, что въ эпоху общей растерянности она не теряетъ бодрости духа и живетъ полной, настоящей жизнью жрицы искусства. И развѣ могутъ быть забыты созданные въ порывѣ этихъ исканій прекрасные образы сестры Беатриче и Мелисанды?!. Если у насъ поняли и полюбили Метерлинка, поняли не отдѣльные люди, а цѣлыя большія группы общества, то, безспорно, въ этомъ Комиссаржевская сыграла главную роль.

Она умерла въ расцвѣтъ силъ. Ей было бы теперь только 40 лѣтъ, и кто знаетъ, по какимъ новымъ путямъ могла бы повести сценическое искусство эта вѣчно искавшая, мятущаяся душа покойной артистки, одинокой въ своихъ исканіяхъ, одиноко жившей и одиноко умершей...

Омега въ „Пет. Газ.“ характеризуетъ В. Ф., какъ яркую выразительницу горя, надорванности, обреченности:

Какъ въ ея голосѣ, такъ и въ душѣ ея, какъ будто, всегда звучала высоко настроенная, тонко-музыкальная, напряженно звучащая струна,—и въ этихъ звукахъ плакало страданіе, терзалось русское горе,—горе надорванности, неудовлетворенности, обреченности,—и пѣла русская пѣсня, то плачущая, какъ зимняя вьюга, то разудалая и широкая, какъ буйная молодость, какъ безбрежная русская степь...

Комиссаржевская была настоящимъ русскимъ талантомъ, артисткой „нутра“.

Панихиды.

Вчера, въ 10½ ч. утра, въ фойѣ Новаго драматическаго театра отслужена была панихида. Присутствовали родственники, артисты, литераторы, театральные критики, много учащейся молодежи. Раздавались рыданія... Послѣ панихиды курьезки долго не отходили отъ большого портрета В. Ф.; крупные слезы катились по щекамъ... слышались едва сдерживаемые стоны. Была глубока скорбь о милой артисткѣ, такъ близкой своимъ сердцемъ юнымъ душамъ...

Въ 3 ч. дня подъ сводами Казанскаго собора раздаются скорбные звуки „надгробнаго рыданія“ и

траурная печаль точно спускается въ этой таинственной полутьмѣ. Темнѣютъ толпы опечаленныхъ родственниковъ, друзей, почитателей милой Вѣры Федоровны. Уже не увидать они ея чающихъ глазъ, не услышать ея обаятельнаго голоса... Скорбныя пѣсни растутъ. Бритыя лица актеровъ, юныя головки курсистокъ, студенты, драматурги, беллетристы, критики, офицеры, много дамъ,—все публика премьеръ театра Комиссаржевской. Глаза у многихъ омыты слезами, чистыми слезами, рожденными чистой любовью, въ которой нѣтъ ни единой тѣни, которая не омрачена ни тѣлесной страстью, ни подогрѣта разсчетами. Великой инстинктивной любовью народныхъ массъ къ театру, къ его талантливымъ служителямъ.

— Живите въ театрѣ, умрите въ театрѣ!..

Медленно расходятся. Женщины откровенно плачутъ. Мужчины скрываютъ предательскія слезы и жмутъ руку такъ крѣпко, такъ хорошо, по-новому. Чистая скорбь, чистыя слезы омывають душу...

— Печальная премьера, единственная послѣдняя страшная премьера смерти!..

Расходятся. Пустѣетъ храмъ, подъ древними порталами уже одинокія, опечаленныя фигуры. Такъ плакали греки, принося Ифигенію въ жертву...

Но Ифигенія была похищена богами и обрѣли ее невредимой въ Тавридѣ.

Наша жертва вечерняя уже не вернется больше...

Сегодня въ Казанскомъ соборѣ панихиды по скончавшейся Вѣрѣ Федоровнѣ Комиссаржевской—въ 1 часъ и 3 часа дня. Завтра—въ 3 часа.

Теченіе болѣзни Вѣры Федоровны шло совершенно нормально. Жизнь была внѣ опасности. Но въ ночь на 9 февраля съ ошеломляющей быстротой наступило ухудшеніе. Назрѣвшая оспенная сыпь обнаружилась подъ собой такое количество гноя, что, сходя съ тѣла, срывала его покровы. Постепенно, вслѣдствіе гангренознаго зараженія крови, образовалось омертвѣніе тканей туловища, рукъ, ногъ. Страданія были настолько мучительны, что Вѣра Федоровна еще за нѣсколько часовъ до смерти лишилась сознания и умерла, не приходя въ себя.

В. Ф. Комиссаржевская въ послѣдніе дни своей болѣзни изъявила желаніе быть похороненной въ Петербургѣ. Ташкентскія власти не находятъ препятствій къ вывозу тѣла В. Ф. изъ Ташкента.

Петербургскими властями, какъ мы слышали, уже разрѣшенъ привозъ тѣла В. Ф. въ Петербургъ.

Мать покойной—М. Н. Комиссаржевская перенесла извѣстіе о смерти горячо любимой дочери стойко. Съ своей стороны, она хочетъ похоронить ее въ Царскомъ Селѣ.